

Пароль — «Венеция», отзыв — «рыба»

Эта книга известного итальянского писателя Тициано Скарпы в оригинале имеет подзаголовок «новый путеводитель». Представьте себе новый путеводитель по Москве под названием «Москва — это пробка» (известно какая — нескончаемая). Или справочник по Парижу «И Париж — это пробка» (от шампанского). Разумеется, от путеводителя с таким названием ничего путного ждать не приходится. Заглянув в книгу на подъезде к Венеции, вы можете разве что сбиться с пути. Хотя бы потому, что единственный указанный в ней маршрут звучит так: «наугад». К тому же следовать этим маршрутом автор предлагает не столько нам самим, сколько отдельным частям нашего тела. Вот заголовки основных разделов книги: ступни, ноги, сердце, руки, лицо, уши, рот, нос, глаза, кожа. Метода не нова и про-

верена временем. Читаем у Павла Муратова в венецианском эпилоге «Образов Италии»: «Своей ногой ступал я однажды на камни Испанской лестницы, своим лицом чувствуя горячие веяния сирокко! Своей рукой срывал розы на склонах Монте Берико, в оградах палладианских вилл и своими пальцами ощущал тонкую пыль, осевшую на тяжелых гроздьях в виноградниках Поджибонси или Ашьяно!» С помощью такого природного инструментария мы начинаем осязать, слышать, видеть город, который бросил вызов природе самим фактом своего существования, да и вообще не особо с ней считается. Мы улавливаем ступнями молекулярный поскрип миллионов окаменевших стволов, вколоченных в дно лагуны и образовавших твердь там, где ее быть не должно. Слоняемся по лабиринту микроскопических долин и взгорий, пока ноги не нальются *трахитом*, которым выложены венецианские мостовые. Тогда мы отдаемся на произвол уличного варикоза или колыбельной качки водного трамвайчика, отказавшись от попыток понять Венецию умом. Ум уступает место чувствам, а именно сердцу, которому в Венеции уж точно не прикажешь. Доказательств тому сколько угодно: от частного романтического опыта бесчисленных и безымянных пар до среднестатистических откровений на тему «Легко ли влюбиться в Венеции?». Забавная подборка мнений, интервью, мемуаров и даже стихов по этому поводу представлена Скар-

пой-коллекционером и мистификатором в главе «Сердце».

Светлейшему граду в кои-то веки повезло с бытописателем из местных (Тициано Скарпа родился в Венеции в 1963 г.). Они, как водится, не очень горазды на всплески чувств к родным палестинам, тем более таким, как Венеция, вечно ускользящим и размноженным лагунной рябью. Здесь следует оговориться, вспомнив блистательную венецианскую триаду золотого восемнадцатого века: Гольдони, Вивальди и Казанову. Они запечатлели свой город в бессмертных творениях литературы, музыки и деятельной жизни, отразили его изначальный облик, голос и норы. Нельзя не упомянуть и о плеяде прославленных ведутистов Сеттеченто: Каналетто, Б. Беллотто, Ф. Гварди, Дж. Б. Тьеполо, П. Веронезе или о хроникере городской жизни П. Лонги, окрещенного Гольдони «кистью, ищущей правды». И все же именно зоркий глаз и сдержанность оценки великих пришлых от Гёте и Рёскина до Муратова и Бродского предлагают нам выверенную матрицу восприятия Венеции. На всякий случай, чтобы не скатиться в слащавую и бесформенную патетику, не захлебнуться в сбивчивых отчетах, путаных текстах, застывших красках, блекнущих фотографиях, предательских, как невнятный выговор гостей Венеции. Задолго до Скарпы тончайший образный радар Иосифа Бродского распознал в полузавешенных высоких окнах на другом берегу канала

«подсвечник-осьминог, лакированный плавник рояля, роскошную бронзу вокруг каштановых или красноватых холстов, золоченый костяк потолочных балок — и кажется, что ты заглянул в рыбу сквозь чешую и что внутри рыбы — званный вечер»¹. Точно так же задолго до Бродского отметился решительным мнением о городе Монте-теске: Венеция — это «место, где должны жить только рыбы».

Автор этого рельефного путеводителя по собственным ощущениям и опыту жизни в Венеции, путеводителя, который никуда не ведет, наконец-то оказался писателем, а не новоиспеченным краеведом, известным по основному роду занятий как домохозяйка, телеведущий, футболист, кинорежиссер, дизайнер, пластический хирург, скандальный журналист, лукавый политик, ловкий магнат, мэр-философ или рок-музыкант. Писателем, за плечами которого несколько знаковых романов, сборников рассказов, стихов, пьес и критических очерков рубежа веков. В 2009 году роман Скарпы «Stabat Mater» удостоен престижнейшей литературной премии Италии «Стрега». Ну а в этой своей едва ли не самой удачной, на наш вкус, книге автор словно приглашает читателя прикоснуться, приняться, прислушаться, приглядеться к почти неосоздаемым атомам

¹ И. Бродский «Набережная неизлечимых», перевод Г. Дашевского.

венерианского благолепия, отведать местного напитка, испробовать кушанье, освоить говорок. Карманньй словарь причудливой городской топонимики в разделе «Глаза» оборачивается кодом доступа к исконной Венеции, не затоптанной ордами иноязычных пришельцев. Редкая, а потому вдвойне ценная рыба из литературной заводи Т. Скарпы стала знатньм уловом в акватории экспериментальной итальянской прозы.

В 2020 году писатель решил отметить своеобразньй юбилей своего психогеографического бедекера, ставшего за прошедшие 20 лет классикой подобного жанра. И сделал это в присущей итальяньским классикам манере: перетасовал, словно колоду карт, содержание глав, вынув из сочинительского рукава припасенные козыри в виде трех новых глав — арсенала подсказок для виртуального квеста на тему «Венеция: по секрету всему свету». Автор постарался достроить образ родного города в технике словесного конструктивизма, поскольку иной материал, за исключением, пожалуй, таких живописньх красок, как краски «действующего чемпиона мира по борьбе с венецианским китчем» Уильяма Тёрнера, отвалится от образного здания Венеции, как отваливаются от ее домов наивнье слои штукатурки. Однако мы открываем Венецию не потаенньх задворков, неведомых островков, диковинньх блюд или непролазньх дебрей диалекта. Венеция Скарпы давно слилась с гостеприимной лагуной,

сделавшись неотъемлемой частью пейзажа между небом и водой. Достаточно взглянуть на него сквозь трехмерный кристалл этой необычной инструкции по пользованию Венецией. Тогда станет ясно, что истинный жанр книги — литературное приношение, домодельная подвеска венценосному городу от одного из его преданных уроженцев.

Геннадий Киселев

ВЕНЕЦИЯ — ЭТО РЫБА

Венеция — это рыба. Присмотрись к ее контурам на географической карте. Она напоминает гигантскую камбалу, распластавшуюся на дне лагуны, или дораду, скользящую по волне. Почему эта дивная рыбина поднялась вверх по Адриатике и укрылась именно здесь? Ведь могла бы еще постранствовать, заплыть в любое другое место. Махнуть под настроение куда глаза глядят, помотаться по белу свету, наплескаться вдоволь — ей это всегда нравилось. На ближайший уик-энд в Далмацию, послезавтра в Стамбул, следующим летом на Кипр. И если она все еще обретается в здешних краях, на то должна быть своя причина. Лосось, выбиваясь из сил, плывет против течения, преодолевает пороги, чтобы заняться любовью в горах. Все русалки с Лукоморья приплывают умирать в Саргассово море.

Авторы других книг лишь улыбнутся, прочитают эти строки. Они расскажут тебе о появлении города из ничего, о его громадных успехах в торговом и военном деле, о его упадке. Сказки. Все не так, поверь. Венеция всегда была такой, какой ты ее видишь. Она бороздила моря с незапамят-

ных времен. Заходила во все порты, терлась обо все берега, пирсы, причалы. К ее чешуе пристали ближневосточный перламутр, прозрачный финикийский песок, греческие моллюски, византийские водоросли. Но вот в один прекрасный день она почувствовала всю тяжесть этих чешуек, этих крупинок и осколков, понемногу скопившихся на ее коже. Она заметила образовавшийся на ней нарост. Ее плавники слишком отяжелели, чтобы свободно двигаться в потоках воды. Она решила раз и навсегда зайти в одну из бухт на крайнем севере Средиземноморья, самую тихую, самую защищенную, и отдохнуть здесь.

На карте длинный четырехкилометровый мост, соединяющий ее с материком, похож на леску. Кажется, что Венеция попала на крючок и бьется, пытаясь сорваться с него. Она связана двойной нитью: стальной колеёй и полоской асфальта. Но это случилось позже; в середине девятнадцатого века проложили железную дорогу, а в тридцатые годы двадцатого века автомобильную. Мы испугались, что однажды Венеция передумает и вновь отправится в путь. Тогда мы привязали ее к лагуне, чтобы ей не взбрело в голову опять сняться с якоря и уйти далеко-далеко, теперь уже навсегда. Другим мы говорим, что тем самым хотели защитить ее, ведь после стольких лет швартовки она разучилась плавать. Ее сразу отловят, она немедленно угодит на какой-нибудь японский китобоец, ее выставят напоказ в аквариуме Диснейленда. В действительности мы больше не можем без нее. Мы ревнивые. А еще деспотично жестокие, когда нужно удер-

жать любимое существо. Мы не только привязали ее к суше. Хуже того, мы пригвоздили ее к отмели.

В одном романе Богумила Грабала есть мальчик, одержимый страстью к гвоздям. Он заколачивал их исключительно в пол: дома, в отеле, в гостях. С утра до вечера мальчик лупил молотком по шляпкам гвоздей, загоня их в паркетные полы, попадавшие ему, так сказать, под ногу. Он словно хотел накрепко прибить дома к почве, чтобы чувствовать себя увереннее. Венеция сделана точно так же. Только гвозди тут не железные, а деревянные. И еще они огромные, от двух до десяти метров в длину, а в диаметре сантиметров двадцать—тридцать. Вот такие гвозди и вбиты в илистый грунт мелководья.

Все эти дворцы, которые ты видишь, здания, отделанные мрамором и белым камнем, кирпичные дома нельзя было строить на воде: они бы погрязли в размякшей почве. Как пояснил Франко Манкузо¹, в Венеции несущие стены — не наружные, для того именно, чтобы не давать нагрузку на податливые тротуары вдоль каналов и лагуны. Легендарные фасады дворцов на Большом канале прорезаны окнами для уменьшения веса: их изящный вид — следствие конструктивной необходимости, эстетика идет за инженерной мыслью. Но быть легким недостаточно. Как заложить прочный фундамент на жидкой грязи? Венецианцы вогнали в лагуну огромное количество свай. Под базиликой делла Салюте их ты-

¹ Манкузо Франко (р. 1937) — итальянский архитектор. — (Здесь и далее прим. перев.).

сячи. Столько же и под опорами моста Риальто, чтобы удерживать нагрузку каменного пролета. Базилика Св. Марка стоит на дубовой платформе, которая опирается на свайное сооружение из вяза и ольхи. Стволы доставляли из кадорских лесов в Альпах Венето. Их сплавляли по реке Пьяве и ее притокам до самой лагуны. Под водяным покровом в иле покоятся лиственница, вяз, ольха, сосна, равнинный и скалистый дуб. Светлейшая Республика¹ была очень прозорлива. Леса берегли как зеницу ока. За незаконную вырубку строга наказывали.

Деревья переворачивали макушкой вниз и вбивали в жижу колодой с захватами; ее поднимали вручную и колотили ею по верхушкам деревьев. В детстве я еще успел это увидеть. Я застал в действии этот старинный способ забивки свай и слышал песни рабочих-коперщиков. Песни звучали в такт с размеренными и мощными ударами зависших в воздухе молотов цилиндрической формы. Они медленно ползли вверх по вертикальной балке на ручной тяге, а затем с грохотом срывались вниз. Стволы деревьев насыщались минеральными солями как раз благодаря грязи. Тина покрывала их защитной оболочкой и не давала сгнить от соприкосновения с кислородом. За время многовекового погружения дерево превратилось почти в камень.

Ты идешь по бескрайнему опрокинутому лесу, бредешь по невообразимой, перевернутой вверх

¹ Ит. *Serenissima f.* — Светлейшая; полное название: *Serenissima Repubblica di Venezia* — Светлейшая Республика Венеция.

дном чашобе. Все это кажется выдумкой посредственного писателя-фантаста, однако же это правда.

Венеция — это испытательный городской полигон ощущений, своеобразный *чувстводром*. Эта книга — приложение к туристическим путеводителям. Обычно города искусства мы воспринимаем сквозь призму культуры. Мы осматриваем их, узнаем о памятниках, музеях, архитектуре, и ограничиваемся тем, что составляем о них историко-художественное представление. Ум судорожно вбирает в себя сведения о городе, не обращая внимания на то, что происходит с телом, а значит, и с душой. Разум и тело движутся по двум меланхолично раздельным полосам. На страницах этой книги я сделаю так, чтобы они совпали.

Я расскажу, что происходит с твоим телом в Венеции. Начнем со ступней.